

НОРМАТИВНОСТЬ ПЕРВОБЫТНОЙ МИФОЛОГИИ

РАХМАНОВ Фаррух Бехзодович

Аннотация. В статье исследуется миф как первичная форма нормативной регуляции, способствовавшей установлению и поддержанию социального порядка в первобытное время. Определяется роль мифологии в древнем социуме, выясняется необходимость создания мифов членами общества и способы их возникновения. Устанавливаются степень и причины оказываемого мифологией влияния на сознание людей.

Annotation. The article studies the myth as a primary form of normative regulation that promoted the establishment and maintenance of social order in primitive society. The author defines the role of mythology in ancient society, the need for creation of various myths by members of society, and ways of their emergence. The article establishes the degree and the reasons for the impact on people's consciousness caused by mythology.

Ключевые слова: миф, мифология, культура, нормативная регуляция, первобытное общество, первобытное мышление, соционормативная система, право, сознание, порядок.

Keywords: myth, mythology, culture, normative regulation, primitive society, primitive thinking, social normative system, law, consciousness, order.

Каждое общество, страна, цивилизация создают свою уникальную своеобразную культуру. Не существует в мире единой глобальной культуры, которая объединяла бы все богатство и индивидуальность культур отдельных народов. Этого и не требуется, так как, несмотря на существование общечеловеческих ценностей, наш мир предстает в бесконечном разнообразии с обретениями и потерями той или иной нации, народа, общности в ходе всего исторического развития человечества.

Культурное разнообразие, однако, не влияет на структуру культуры как таковой. Соционормативный комплекс предстает как один из элементов системы культуры и включает в себя различные виды поведенческих регуляторов, каждый из которых по-своему воздействует на сознание людей¹. Одним из таких регуляторов поведения является миф.

Выдающиеся исследователи А.Ф. Лосев, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, К. Ясперс и другие, труды которых посвящались прогрессу культуры, в конце XIX в. пришли к определению мифа как значимого элемента культуры с различным содержанием в конкретный исторический период, но с неизменными целью и назначением. Подобные исследования приводили к выводу о том, что современная куль-

тура содержит элементы, некоторым образом переработанные, но все же заимствованные из культуры первобытной эпохи. Г.В. Мальцев отмечал: «Человек и человечество находятся в непрерывном поиске оправданий для своих действий. Они не могут развиваться дальше, не закрепив в сознании того, что нечто прежде созданное, сделанное и установленное является правильным, нужным, полезным или, наоборот, неправильным ошибочным. За общей оценкой встает множество ценностных определений, базирующихся на применении критериев, масштабов, средств нормативного мышления, выработанных прошлым культурно-историческим опытом»². Такой подход вызвал интерес к мифу, его развитию, адаптации к новым социально-экономическим условиям. Б. Малиновский определял миф «жизненно необходимым ингредиентом человеческой цивилизации; это не сочиненная в праздности сказка, а с большим трудом создаваемая активная сила; это не интеллектуальное объяснение или художественная фантазия, а прагматическое правовое основание первобытной веры и моральной мудрости»³.

Таким образом, возникает вполне закономерный вопрос: почему миф, являющийся по-

¹ См.: Лукашева Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 13.

² Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 5.

³ Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. М., 2004. С. 291–292.

рождением первобытного мышления и сопровождавший человечество на всем пути его развития, до сих пор в современном мире представляет собой одно из эффективнейших средств воздействия на сознание людей и их поведение?

Изучение природы мифа вызывает особый интерес у правовой науки, поскольку миф, представляющий собой первичную форму нормативной регуляции, способствовал установлению и поддержанию социального порядка, что являлось неизбежным требованием для выживания человечества, которое совсем недавно вышло из стадного состояния. «Мифы, — пишет М.Ф. Альбедиль, — раскрывали — до известных пределов — тайну происхождения мира и человека, посвящали в таинства любви и смерти и рассказывали о путях посмертного существования. Все это не только имело большой психотерапевтический смысл, а еще и придавало человеческой жизни иное, сакральное измерение, бытийную прочность и то стремление к запредельной реальности, которое сохранилось в религиях»⁴. На уровне инстинктов люди искали защиты от неконтролируемых природных стихий, неизвестных болезней, неурожая, враждебных племен и находили ее в сверхъестественных силах. Поклонение им и совершение магических обрядов, ритуалов давали человеку надежду на то, что он смог их задобрить и соответственно чувство защищенности. Ради уменьшения тревог от неожиданных напастей, таких как стихийные бедствия, на которые человек никак не мог повлиять, и из-за чего они представлялись проявлением воли высших сил, люди хотели связать с потусторонним миром свою жизнь и получить благословение, защиту от сверхъестественных сил. Для первобытных людей создаваемый ими миф «есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием, со всей ее реальной повседневностью и чисто личной заинтересованностью... Миф всегда чрезвычайно практичен, насыщен, всегда эмоционален, аффективен, жизнен»⁵.

В такой ситуации закономерно появлялся лидер или образовывалась группа людей, которые по причине обладания какими-либо

личными преимуществами — харизмой, силой, мудростью, обаянием — были способны упорядочивать социальные отношения, необходимые для проведения совместных работ, таких как охота, собирательство, распределение добытой пищи и т. д. Такая деятельность требовала элементарных правил поведения, которые могли бы обеспечить мирное и продуктивное взаимодействие членов общества. Образцы, нормы поведения отражались в мифах, что выражало стремление социума к сохранению установленных порядков. «Право, — писал Г.В. Мальцев, — всегда ассоциировалось с порядком, законами, устанавливающими порядок... Где есть определенный порядок и действуют упорядочивающие силы, там есть право, хотя не всегда оно так называется»⁶.

Миф, всегда выражавший взаимосвязь индивида с внешней средой — космосом, природными стихиями, животным и растительным миром, — служил защитным средством для коллективного сознания общности. «В то время люди верили в глубокое родство человека и природы, и ощущение мистической все связанности было одной из характерных черт их мышления. Они воспринимали природу как живое существо, одушевляли и одухотворяли ее и не сомневались в связи и родстве всех форм жизни»⁷. В связи с этим мифология крепко закрепилась как в сознании людей, так и в сфере бессознательного, как система норм, которые могут быть управомочивающими, обязывающими, запрещающими, с поощрениями за соответствующее поведение и наказаниями за отступление от мифологических предписаний.

Мифология составляла фундамент культуры, создаваемый людьми для преодоления страха перед неизведанным, самосохранения; она приоткрывала завесу будущего человека и мира, укрепляла человеческий дух перед лицом неминуемой смерти, обещала человеку загробную жизнь или какое-нибудь иное инобытие за чертой смерти, снимая тем самым главный экзистенциальный страх, а именно страх небытия по окончании жизни. На основе мифологии формировались тотемизм, т. е. поклонение животным, растениям, сверхъестественным существам, неодушевленным предме-

⁴ Альбедиль М.Ф. Миф и реальность. СПб. : Вектор, 2014. С. 5.

⁵ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб. : Азбука-Аттикус, 2014. С. 42–43.

⁶ Мальцев Г.В. Культурные традиции права. С. 6.

⁷ Альбедиль М.Ф. Миф и реальность. С. 26.

там, и табу, представляющее собой систему запретов, основанную на вере в то, что их нарушение обязательно повлечет тяжкие последствия, например проклятие, для отступника. Эти и иные формы запретов и предписаний, порождаемых мифологией, в общем счете отражали многократно повторяющиеся события, позволявшие делать выводы об их пользе или вреде для человека, рода, племени. Поскольку мифы рассматривались как система предписаний потусторонних, высших сил, они стали основанием социокультурной регуляции. «Древний человек, судя по всему, легко воспринимал мысль о существовании явлений, лежащих за гранью видимого мира, физической реальности. Отсутствие четких представлений о дистанции между естественным и сверхъестественным миром, земным бытием и высшим, метафизическим состоянием духа привело первобытное сознание к своеобразному способу онтологизации всего сущего, следствием которого явился древний космизм»⁸.

Определяя единые черты мифа, тотемизма, табу, магии как начальных форм социальной регуляции, выделяют следующие особенности:

1) первоначальная норматика носила прагматичный характер, основывалась на логической оценке необходимого и полезного или вредного и опасного для человека, рода, племени;

2) для сохранения единства общины оправданным считалось направлять всякий акт поведения индивида, что способствовало избыточности нормативного регулирования, которое основывалось на установлении запретов определенными действиями, сформировавшихся под воздействием мифов, верований, легенд и т. д.;

3) указанные первичные формы социального регулирования использовались как не допускающий опровержений и не подлежащий критике аргумент, обосновывающий необходимость и обязательность соблюдения установленных норм;

4) первобытные мифы, магия стали исходными формами санкционирования определенных правил общежития в общине; любое отступление от установленных порядков влекло нарушение «священной гармонии», подрыв-

вало союз богов и людей и ломало сложившиеся между мифическим и социальным мирами отношения⁹; историческая отдаленность традиций, отраженных в магии и мифах, не помешала их элементам в том или ином виде сохраниться до наших дней.

Живучесть мифологии и сила ее воздействия определяются жизненностью, реальностью ее содержания, хотя при первом рассмотрении миф может показаться вымыслом, сказкой, фантазией. Однако эта проблема не находит однозначного решения среди исследователей мифологии, которые подчас придерживаются диаметрально противоположных точек зрения.

Значительная часть ученых в этой области считают миф фантазией, выдумкой, связанной с явлениями сверхъестественного характера. Л. Леви-Брюль писал, что «миф – комплекс представлений и чувств, относящихся к сверхъестественному»¹⁰. Подобного мнения придерживались А.Н. Афанасьев, Н.И. Кареев, Г. Спенсер и др.

Рассматривая миф с его же (мифа) собственной точки зрения, А.Ф. Лосев горячо отстаивал его жизненность, реальность, конкретность. «Я беру миф так, – писал он, – как он есть, т. е. хочу вскрыть и позитивно зафиксировать, что такое миф сам по себе и как он мыслит сам свою чудесную и сказочную природу... Не зная, что такое миф сам по себе, не можем говорить и об его жизни в той или другой иноприродной среде. Надо сначала стать на точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом... Такая позиция вскрыет существо мифа как мифа»¹¹. По этой причине представление о мифе как о фантастическом вымысле философ называл заблуждением большинства научных методов, применяемых к исследованиям мифологии. А.Ф. Лосев признает, что миф есть выдумка, но только с точки зрения науки. Многие исследователи, негодовал он, «позитивизм изучения религии и мифа видят в насильственном изгнании из того и другого всего таинственного и чудесного. Хотят вскрывать существо мифа, но для этого сначала препарируют его так, что в нем уже ничего не содержится ни сказочного, ни

⁸ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Нор-ма: ИНФРА-М, 2015. С. 296.

⁹ См.: Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 152.

¹⁰ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 281.

¹¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 34–35.

вообще чудесного»¹². А.Ф. Лосев считал, что если придерживаться цели вскрыть миф, взятый как таковой, т. е. «не с точки зрения какого-нибудь научного, религиозного, художественного, общественного и проч. мировоззрения, но исключительно лишь с точки зрения самого же мифа, глазами самого мифа, мифическими глазами... ни в каком случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии»¹³.

Б. Малиновский резко критиковал обилие мнений, существовавшее по поводу природы мифа. С его точки зрения, у основания мифологии лежат природные явления – Солнце, Луна и другие, которые придают мифу натурализм, символизм и фактичность. Подобное мнение мы замечаем в словах Ю.Е. Березкина: «В самом узком значении мифы – это такие повествовательные тексты, в которых отражены не основанные на научном знании представления о природе и человеке»¹⁴.

В США и Германии существуют научные школы, которые в сакральных преданиях видят исторически подлинную хронику прежних времен. Однако представляется неверным рассмотрение мифологии как простого пересказа истории. Такая трактовка существа мифа, по мнению Б. Малиновского, объясняется «кабинетным» изучением этого феномена. Аутентичную же природу мифа способен раскрыть антрополог, не связанный в своих изысканиях одними лишь текстами и хрупким наследием былой культуры. Непосредственное исследование осуществимо в среде туземного сообщества, не только рассказывающего, но и в первобытной, жизненной форме комментирующего мифы, что позволяет глубже проникнуть в их сущность. Ученый подчеркивает реалистичность мифа, а не его символичность. Это повествовательное воскрешение первобытной реальности, излагаемое не ради научного интереса, а ради того, чтобы удовлетворить глубокие религиозные чувства, социальные притязания, сознательное подчинение, моральные стремления. В первобытной культуре миф выражает, концентрирует и способствует упрочнению веры, не только оберегает, но и укрепляет нравственность; он доказывает эффективность ритуала и задает индивиду поведенче-

ские ориентиры. Таким образом, миф есть жизненно необходимый элемент человеческой цивилизации¹⁵.

Б. Малиновский изучал генезис и задачи мифа непосредственно в туземных сообществах Африки, Новой Гвинеи и был совершенно убежден в реалистичности, жизненности мифа, но при этом признавал его сакральность. Антропологом была создана социологическая теория мифа, поскольку он считал последний способным воздействовать на поведение индивида, укрепить его веру, создать коллективную солидарность. «Мифология или священная традиция племени, – утверждал он, – является... могущественным средством, помогающим первобытному человеку и позволяющим ему свести концы с концами в своем культурном наследии... Неоценимые услуги, которые оказывает миф первобытной культуре, тесно связаны с религиозным ритуалом, влиянием морали и социологическими принципами... Миф... в своей живой первобытной форме – это не просто рассказываемая история, это переживаемая реальность. В нем нет ничего от вымысла, который мы вычитываем сегодня в романах; это живая реальность – нечто такое, что, как считается, произошло когда-то в первозданные времена и с тех пор продолжает оказывать влияние на мир и человеческие судьбы»¹⁶.

В понимании Б. Малиновского миф представляет собой пространственный рассказ, порой сложно уловимыми иносказаниями, отступлениями, которые, тем не менее, определяют и во многом контролируют различные элементы культуры – религию, обычаи, мораль – и конструируют догматическое понимание первобытной ситуации. Это составляет веру туземцев в истинность их бытия, заданное прошлым стремление следовать «мифологическому путеводителю» и негативное отношение к любым переменам, несовместимым с их устоявшимися прагматическими интересами.

М. Элиаде считал миф одной из крайне сложных реальностей культуры, который можно исследовать и интерпретировать в совершенно разнообразных и взаимодополняющих аспектах¹⁷.

¹² Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 34.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Березкин Ю.Е. Мифы Старого и Нового Света. М., 2009. С. 12.

¹⁵ См.: Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. С. 288–292.

¹⁶ Там же. С. 289–291.

¹⁷ См.: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996. С. 15.

Признание мифологии начальной, зачаточной системой воздействия на поведенческие ориентиры людей выдвигает другую проблему: как первобытному человеку удалось не только создать систему норм, регулирующих отношения в общине и гарантирующих некий порядок, преемником которого станет правопорядок, но и непрерывно следовать им. Возникновение первичной нормативности неразрывно связано со становлением культуры и социальности, которые предполагают нормальное взаимовыгодное взаимодействие членов общества, предотвращение между ними разногласий и конфликтов.

Ученые расходятся во мнениях и в вопросе признания мифологии первобытной примитивной наукой. К.Г. Доусон полагал, что люди впервые пришли к идее природного порядка посредством обрядов инициации и тайных священнодействий, нежели с помощью рациональных наблюдений и логического мышления¹⁸. А.Ф. Лосев заявляет: «Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение»¹⁹. Ученый критикует О. Конта, по мнению которого мифология относится к «теологической», низшей ступени развития человечества, после которой следует «метафизическая», а затем и «научная»²⁰; Г. Спенсера, полагавшего, что первобытная мифология есть некий первичный импульс к научному освоению мира²¹; Э. Тайлора, который на базе анимизма, выделял мифологическую стадию в развитии познания²². А.Ф. Лосев протестует «против... лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно несвойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф... наука как таковая ни с какой стороны не может разрушить мифа. Она лишь его осознает и снимает с него некий рассудочный, например логический или числовой, план»²³. Знание было великим и опасным даром свыше, и совершенно характерно для первобытного общества наличие фигуры мудреца или героя, живущего

на рубеже двух миров и благодаря некой жертве или непосильным трудом вырывающего тайну у высших сил, от которой напрямую зависит благополучие племени, общины и т. д.

К. Леви-Строс отмечал наличие у первобытного мышления способностей не только к наблюдению, но и к классификации. Его мысль уточняют в своих работах другие антропологи, изучающие быт первобытных племен. Б. Малиновский обращал внимание на впечатляющую способность туземцев очень точно фиксировать особенности растительного и животного мира, так же, как и почти незаметные перемены в природных явлениях. Незнание с природой дает им возможность познать как полезные, так и вредные свойства животной и растительной среды, а также классифицировать их. При этом не стоит заблуждаться и представлять процесс наблюдения, в том числе и в первобытном обществе, простым пассивным созерцанием исследуемых предметов и действий. «В ходе наблюдения исследователь всегда руководствуется определенной идеей, концепцией или гипотезой. Он не просто регистрирует любые факты, а сознательно отбирает те из них, которые либо подтверждают, либо опровергают его идеи. При этом очень важно отобрать наиболее репрезентативную, т. е. наиболее представительную группу фактов в их взаимосвязи»²⁴.

Во всех племенах, сохранивших первобытное мышление, наблюдается стремление упорядочить имеющиеся знания об окружающей действительности, попытка превозмочь хаос и достигнуть порядка в своем мире. На базе исследований о постижении примитивными племенами окружающего мира К. Леви-Строс подчеркивает, что в основании мышления, которое мы именуем первобытным, лежит требование порядка, являющееся основой всякого мышления. Любая классификация предпочтительней хаоса, и даже если она построена на уровне чувств – это еще одна ступень на пути к рациональному порядку²⁵.

Мышление в первобытном обществе пыталось упорядочить явления, события, процессы природного мира. Однако более важной целью было упорядочение социального мира,

¹⁸ См.: Доусон К.Г. Религия и культура. СПб., 2001. С. 186.

¹⁹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 43.

²⁰ См.: Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.

²¹ См.: Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1876. Т. 1.

²² См.: Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989.

²³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 45–53.

²⁴ Основы философии науки / под ред. В.П. Кохановского. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 342.

²⁵ См.: Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. С. 159–166.

мира взаимодействия людей. В достижении этой цели огромную ценность представляло то, что люди старались не только наблюдать и классифицировать, но и отбирать самые рациональные и целесообразные поведенческие формы, способные обеспечивать нормальные, продуктивные взаимоотношения членов первобытного коллектива, пытающегося преодолеть противоречия, конфликты, конкуренцию. Сплоченность коллектива являлась основной целью конструирования первобытной нормативности, поскольку только это условие позволило бы выживать в сложнейших условиях первобытного мира.

К. Леви-Строс считал, что «мифологическая рефлексия может достигать в плане интеллектуальном блестящих и непредвиденных результатов»²⁶. Он делает вывод о том, что мифология и наука прошли сквозь все стадии человеческой эволюции. А.Ф. Лосев, не признающий мифологию в качестве «формы науки», наряду с этим пишет, что миф «содержит в себе строжайшую и определенной структуру и есть логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще»²⁷.

Таким образом, фундамент мифологии составляют наблюдение, классификация, отбор и определенная логическая структура. Разумеется, наличие этих свойств не позволяет называть мифологию наукой, однако и выдумкой или игрой фантазии, сказкой или фикцией она тоже не является. Мифология призвана создать стандарты поведения, быта в коллективе, тщательно выявлять экономически возможные формы жизни, такие как охота, собирательство, земледелие и т. д., устанавливая дефинитную систему распределения благ, дозволений, поощрений, запретов.

Этому содействует магия, которая неразлучна с мифологией. Магические действия, совершаемые для того, чтобы умиротворить, задобрить сверхъестественные силы, и тотемизм служат поддержкой образцам поведения, предписываемым, прямо или косвенно, мифом, а также вселяют уверенность и уменьшают страх перед природными стихиями или возможным неурожаем, неудачей в рыболовстве, охоте.

Однако магию использовали не во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Она была необходима в основном при выполнении сложных, требующих организованного коллективного взаимодействия и технических навыков работ (строительство жилья, водных сооружений). Более простые занятия либо не сопровождались магией, либо она применялась в ограниченном объеме. Магия, вызывающая к поддержке мирских дел космическими силами, формировала у человека устойчивую веру в успех. «Она позволяет человеку уверенно решать свои важнейшие жизненные задачи и сохранять самообладание и душевную целостность в обстоятельствах, которые без помощи магии деморализовали бы его, вселив в него отчаяние и тревогу, страх и ненависть, безответную любовь и беспомощный гнев»²⁸.

В работе «Золотая ветвь» Д. Фрейзер раскрыл значение магического мифа в возникновении царской власти и социального превосходства. Если целью мифа является подтверждение первенства определенного послания, определенного социального происхождения, давности права собственности общины на территорию, приоритетности одних жизненно необходимых работ перед другими, то этому содействуют магические ритуалы, которые вселяют веру в необходимость и правоту своих притязаний, а также позволяют надеяться на помощь свыше.

Первобытный миф не имеет определенного автора, он возникает спонтанно под воздействием реальных обстоятельств жизни, наблюдения неоднократно происходящих вокруг событий, рационального отбора наиболее уместных и полезных форм поведения, которые якобы продиктованы сверхъестественными силами. Можно только изумляться, сколь точен был такой отбор. Необходимым условием изучения нормативности первобытного общества, как справедливо отмечал Б. Малиновский, является работа в полевых условиях, поскольку антрополог имеет уникальное преимущество — возможность пойти вслед за «дикарем», создавшим миф, слушать многочисленные комментарии, увидеть и ощутить всю насыщенность той жизни, из лоно которой появилась мифология. Жизненный контекст даст не меньшее знание о мифе, чем его простое пове-

²⁶ Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. С. 168.

²⁷ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 38.

²⁸ Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. С. 326.

ствование. Б. Малиновский провел исследование на Тробрианских островах среди туземного племени и в результате долгого пребывания там, тесного контакта с «первобытным мышлением» исследовал мифологию туземцев и первобытную нормативную систему, первоисточником которой являлись мифы: статус женщины в обществе, взаимоотношение полов, добрачные отношения, брак, его расторжение, традиционные формы отступления от норм, мораль и нравственность и т. д.

Б. Малиновский считал, что «миф является для дикаря тем, чем для глубоко верующего христианина библейская история о творении, грехопадении и искупительной жертве Христа на кресте. Как наша священная история живет в нашем ритуале и нашей нравственности, руководит нашей верой и контролирует наше поведение, точно так же функционирует и миф в жизни дикаря»²⁹.

Первобытные люди живут в реальном мире, разделяют землю, собирают урожай, строят жилье, лодки, ловят рыбу, охотятся на зверей, что позволяет им осваивать внешний мир, овладеть его ресурсами и средствами для того, чтобы расширить границы своей деятельности; однако страх перед неизвестным преобладает, и в большинстве случаев они не уверены в себе. То, что в их обыденной жизни присутствуют духи, боги, тотемы, не только не отменяет эту реальность, но обогащает ее, делает ее более многомерной и разнообразной. «В миф, – совершенно справедливо отмечает В.П. Малахов, – может превратиться все что угодно, если по тем или иным причинам оно становится средством для выполнения основного предназначения, с которым миф ассоциируется, – для освоения (обживания, присвоения) человеком мира до возможности жить в нем, пользоваться им, оправдываться им, объединяться (отождествляться) с ним»³⁰. Этим людям требуется не только благоприятный исход охоты, богатый урожай и т. д., но и украшение своего быта праздниками, соревнованиями, пиршествами, посвящаемыми как космическим силам, так и мирским событиям – рождению детей, обрядам инициации, заключению брака и т. п. Сплачивание коллектива

происходит не только благодаря совместному труду, распределению добычи, но и с помощью проведения увеселительных мероприятий, требующих соответствующих нарядов, убранств, состязаний.

Совокупность этих факторов способствовала важнейшему рывку в развитии мировой культуры, а именно открыла нормативную регуляцию, проникавшую почти во все сферы первобытной жизни, формировавшую коллективистские начала, которые являлись незаменимым условием выживания племени, рода, человека. Первичные методы и средства нормативного регулирования взаимоотношений людей, их поведения, стали неотъемлемыми частями эволюции человечества от самых ранних этапов его развития до настоящего времени.

Открытая нашими первобытными предками соционормативная система прочно укрепилась в сознании и поведении людей и, как раньше, так и сейчас, представляет собой неизблемое средство нормальной функциональной жизнедеятельности общества. Фундаментом этой системы стал миф, который включил в себя зарождающиеся элементы морали и религии и на основе которого формировались передающиеся из поколения в поколение обычаи и традиции. Еще не выкристаллизовавшиеся в то время элементы соционормативной системы в современной науке именуются мононормизмами, которые содержат в себе зачатки магии, традиций, морали, искусства.

В разных регионах мира мифы, традиции, обычаи, религия, мораль, нравы были различны и впоследствии оформились как культурные образования, цивилизации, своеобразие которых определялось характером соционормативной системы. В процессе социального развития эта система включила в себя право. В описании структуры современных социокультурных систем нельзя обнаружить миф, давший начальный толчок прогрессу нормативного регулирования и существующий до сих пор. Причиной этого является существовавшее в течение длительного периода мнение о том, что миф канул в вечность наряду с той древней формой человеческого общества, которая его породила.

²⁹ Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. С. 291.

³⁰ Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 7–8.

Библиографический список

1. Альбедиль, М.Ф. Миф и реальность. – СПб. : Вектор, 2014.
2. Березкин, Ю.Е. Мифы Старого и Нового Света. – М., 2009.
3. Доусон, К.Г. Религия и культура. – СПб., 2001.
4. Иорданский, В.Б. Хаос и гармония. – М., 1982.
5. Конт, О. Дух позитивной философии. – СПб., 1910.
6. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1937.
7. Леви-Строс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. – М. : Академический проект, 2008.
8. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2014.
9. Лукашева, Е.А. Мифологизация политической и правовой жизни. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
10. Малахов, В.П. Мифы современной общеправовой теории. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
11. Малиновский, Б. Избранное: динамика культуры. – М., 2004.
12. Мальцев, Г.В. Культурные традиции права. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
13. Мальцев, Г.В. Нравственные основания права. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
14. Основы философии науки / под ред. В.П. Кохановского. – Ростов н/Д : Феникс, 2008.
15. Спенсер, Г. Основания социологии. – СПб., 1876. – Т. 1.
16. Тайлор, Э. Первобытная культура. – М., 1989.
17. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М., 1996.